

DOI: 10.14515/monitoring.2014.5.08

УДК 316.483:332.2(470.67)

Е.А. Варшавер

ТАРКИ-КАРАМАН: МЕХАНИЗМ ОДНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ДАГЕСТАНЕ

ТАРКИ-КАРАМАН: МЕХАНИЗМ ОДНОГО
ЗЕМЕЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ДАГЕСТАНЕ

ВАРШАВЕР Евгений Александрович — директор Центра исследований миграции и этничности (РАНХиГС при Президенте РФ). E-mail: varshavere@gmail.com

Аннотация. В статье приводятся результаты социологического исследования конфликта за несколько гектаров земли в Дагестане. Глубинные интервью, групповые дискуссии и наблюдения осуществлялись на конфликтной территории и в сообществах участников конфликта. В статье показано, как запускается механизм конфликта в ходе взаимодействия различных слоев социальной структуры. В депрессивном поселке в черте Махачкалы, отделенном от города социально, символически и пространственно, население которого было некогда депортировано, воспроизводится дискурс, связанный с отъемом земли. Складывается социальное движение, участники которого осуществляют самозахват земли, уже находящейся на перекрестке интересов. «Горячая» стадия конфликта наступает после того, как жители поселка начинают взимать плату за доступ на пляж.

Автор приходит к выводу, что основными факторами, которые к возникновению социального движения, стали «двойная депортация», пережитая таркинцами, замкнутость сообщества и отделенность его от Махачкалы, а также мировоззрение, согласно которому решением всех проблем является возвращение земли.

Ключевые слова: Махачкала, Дагестан,

TARKI-KARAMAN: MECHANISM OF A SOCIAL
CONFLICT OVER LAND IN DAGESTAN

VARSHAVER Evgenij Aleksandrovich — Director, Center for Migration and Ethnicity Research, RANEPА. E-mail: varshavere@gmail.com

Abstract. This article describes the results of a sociological research that aims to explain social conflict over a landholding in Dagestan, Russia. In-depth interviews, group discussions and observations in the communities of the conflict participants were carried out on the conflict territory. The article shows how the conflict mechanism is triggered when different social layers starts interacting with each other. In a depressed settlement separated from Makhachkala socially, symbolically and spatially there is a community that was once deported and now initiates discourse dealing with the land seizure. This leads to the formation of a social movement which carries out landholding being at the crossroads of different interests. The peak of the conflict is after the resident of the settlement start to collect payment to get access to the beach.

The author concludes that the basic factors of social movement were the double deportation experienced by the residents of Tarki-Karaman, community`s reticence, its apartness and a tradition according to which the return of the land is a solution to any problem.

Keywords: Makhachkala, Dagestan, social

21 августа 2013 г. к северу от Махачкалы на пятачке при въезде на Караман - огороженный кусок земли между трассой Астрахань-Махачкала и морем - произошло столкновение. В нем участвовали жители Тарков, Кяхулая и Альбурикета, трех поселков, расположенных на склоне горы Тарки-Тау в черте Махачкалы, а также жители сел Новолакского района. В ход пошли камни и бутылки. Между сторонами живой цепью стоял ОМОН, не позволяя пролиться крови. Тем не менее несколько человек были госпитализированы с пробитыми головами. Произошедшее столкновение находится в цепи событий, связанных с конфликтом вокруг участка земли, права на которые заявляют как отдельные люди, так и целые сообщества. Попытаемся объяснить этот конфликт, опираясь на результаты полевого исследования автора, осуществленного летом-осенью 2013 г. в Махачкале и ее окрестностях.

Земельные конфликты в Дагестане – контекст

Земельные конфликты в Дагестане являются повседневной реальностью. Это связано с двумя факторами [4]. Первый – неурегулированность земельных отношений. В республике за редким исключением отсутствует частная собственность на земли сельскохозяйственного назначения. Хотя земельная реформа так и не была проведена, купля-продажа земли, тем не менее, осуществляется, с применением различных схем, таких как, например, долгосрочная аренда. Одну и ту же землю могут продать нескольким владельцам одновременно, после чего они нередко, к взаимному неудовольствию, с одинаковым набором документов встречаются на купленном участке. Неудивительно, что жители используют альтернативные регуляторы земельных отношений, связанные с традиционным законодательством – адатом и исламским правом – шариатом. Несоответствие правовых норм потребностям развивающегося общества и наличие нормативных систем, «накладывающихся» друг на друга провоцируют конфликтные ситуации. Второй фактор – часто насильственные миграции, проходившие в Дагестане в течение всего XX в. Среди них так называемые «двойные депортации», когда сначала были депортированы чеченцы, а затем на их место переселены другие группы. По возвращении чеченцев события могли развиваться по-разному. XX в. в истории Дагестана – это, кроме того, век интенсивной миграции жителей гор на равнину [3]. Миграция могла быть как насильственная (нередко в цепочке тех же «двойных депортаций»), так и добровольная. Способствовало такого рода переселениям решение о наделении горных хозяйств землями на равнине для осуществления «отгонного животноводства» - многие горные жители в рамках этой политики обосновались в равнинной части Дагестана.

Земельные конфликты не раз становились объектом внимания ученых [1, 2], однако детального описания, демонстрирующего механизмы их возникновения и протекания, сделано не было. Мы проанализируем один земельный конфликт на предмет социальных структур и механизмов, его «производящих» и «длящих»: опишем эти структуры и покажем, как они взаимодействуют, запуская механизм конфликта.

Теоретическая рамка и методология исследования

Социальная структура – одна из базовых идей социологии, хотя она и не всегда присутствует в теоретических построениях в качестве озвученного концепта. Теоретические традиции, из которых сложилась социология¹, в общем, сходятся на том, что социальная реальность состоит из двух элементов – акторов (действующих) и структуры – и по-разному решают проблему их взаимодействия. Несмотря на существенную разницу традиций определения и работы с социальной структурой, один тезис, скорее всего, не вызовет разногласий у их адептов. Социальная структура – это контекст поведения, который определяет черты последнего. Такое – максимально нейтральное – понимание было «институализировано» в издании Социологической энциклопедии 1992 года: «Социальная структура – это общий термин для любого коллективного социального обстоятельства, в контексте которого находится индивид, не имея возможности его поменять. Социальная структура – это контекст и среда для действия. Размер организации, распределение деятельности в пространстве, общий язык или распределение власти – все это может быть отнесено к социальной структуре, которая ограничивает возможную для индивида деятельность»². Можно выделить две влиятельные традиции определения социальной структуры, одна из которых строится вокруг идеи социальных фактов Э. Дюркгейма, а другая косвенно восходит к формальной социологии Г. Зиммеля. В рамках первой социальная структура – это совокупность ценностей и правил, в рамках которых действует индивид. Классическая зарисовка на эту тему предложена Т. Парсонсом³, для которого структура – это совокупность социальных позиций, каждая из которых подразумевает определенный набор должного, возможного, нежелательного и запрещенного. Индивид в процессе социализации «вращается» в эти позиции, и именно они, а не индивиды сами по себе, позволяют системе функционировать. Лингвистический поворот в общественных науках обогащает эту традицию определения социальной структуры, предлагая язык и разные его элементы в качестве «хранилища» норм и ценностей, и несущего элемента социальной структуры⁴. В рамках этого подхода язык и разные его элементы – например, дискурсы и нарративы, становятся ключевым объектом изучения, поскольку, с одной стороны, они являются частью структуры, с другой – тем материалом, изучая который, возможно наилучшим образом изучить структуру в целом. Таким образом, в рамках этого подхода социальная структура – это ценности, правила (институты), дискурсы и нарративы. Альтернативный подход предлагает исследовать социальную структуру как структуру отношений между различными объектами: индивидами, их группами или классами. Классическим эмпирическим методом для работы с этим пониманием структуры является сетевой анализ, который описывается связи между объектами. Объектами, если речь идет о социальных науках, являются индивиды или их совокупности – семьи, организации, сообщества. Связи – это те или иные отношения: знакомство, дружба, поход в гости, совместная работа, вражда и т.д. Эти связи рассматриваются как структурирующие, поскольку их совокупность задает возможности, а также имеет социальные последствия. Хорошим и важным примером элемента такого рода структуры является сообщество – фрагмент сети с высокой интенсивностью связей между его элементами⁵.

¹ Collins R. Four sociological traditions. – New York : Oxford University Press, 1994. – С. 387.

² Rytina S. L. Social structure // Encyclopedia of Sociology. – 1992. – Т. 4. – С. 1970-76.

³ Parsons T. The structure of social action. – New York : Free Press, 1949. – Т. 2.

⁴ Rorty R. (ed.). The linguistic turn: Essays in philosophical method. – University of Chicago Press, 1992.

⁵ Пример работы с таким пониманием сообществ: Варшавер, Е.А., Рочева, А.Л. Сообщества в кафе как среда интеграции иноэтничных мигрантов в Москве // Сборник статей по результатам конференции «Пути России 2013» (в печати).

Такого рода взгляд на социальную структуру не предполагает автономии разных типов структуры – напротив, социальную реальность необходимо анализировать посредством исследования взаимодействия типов структур. Элементарные каузальные цепочки, которые складываются в результате такого взаимодействия, называются механизмы, и центральной задачей этого исследования, таким образом, становится описание механизма возникновения и протекания конфликта⁶.

Второе ключевое слово в рамках исследования – это «конфликт». Что такое конфликт, при каких обстоятельствах он возникает, каковы варианты его протекания? Традиционно возникновение теории конфликтов связывают с именами К.Маркса и Г.Зиммеля, в работах которых конфликт кладется в основу социальной динамики. Один из ключевых вопросов, на которые отвечает Зиммель, состоит в определении роли конфликта. Для него очевидна продуктивная роль вражды в «делании» общества. Он специально заостряет на этом внимание: «... эта вражда не является социологическим пассивом, негативным фактором, в том смысле, что общество появляется от функционирования позитивных сил, и лишь в том случае, когда негативные силы не имеют возможности вмешаться»⁷ Важным поворотом в теоретизировании о конфликте стали работы группы чикагских исследователей вокруг Дж.Мэйо – «менеджерский взгляд» этой группы лег в основу широко растиражированному затем пониманию конфликта как негативного явления, с которым нужно бороться. Современные обобщающие тексты, посвященные конфликту, практически без исключений находятся в этой традиции и в их названии обычно заложена установка именно на разрешение конфликтов⁸. Этот поворот исследует другой ключевой автор – Л.Козер. Он объясняет его таким образом, что, если на первых порах американская социология была, прежде всего, академической и могла формулировать проблемы сама для себя, межвоенная социология постепенно становилась прикладной, и тексты более поздних социологов читались людьми, цель которых состояла в том, чтобы усилить влияние общих ценностей и ослабить конфликтные тенденции – социальными работниками, специалистами по психическому здоровью, религиозными лидерами, специалистами в области образования, а также разного рода «управленцами». Важной инвестицией в современную теорию конфликтов стала книга Т.Шеллинга «Стратегия конфликтов»⁹ – он показал, как можно исследовать конфликт в логике теории игр, и его описание холодной войны на основании созданного им синтеза теорий игр и теорий конфликтов стало важнейшим в том, что касается анализа противостояния США и СССР. Затем оно легло в основание развивавшихся в последствие разными авторами теорий сдерживания¹⁰. Шеллинг приводит свою – четырехчастную – классификацию подходов к изучению явления: «Среди разнообразных теорий конфликта, соответствующих различным значениям слова «конфликт», основная линия раздела пролегает между теми из них, которые относятся к конфликту как к патологическому состоянию и изучают его причины и способы устранения, и теми, которые принимают конфликт как данность и изучают связанное с ним поведение. Среди последних выделяются те, кто изучает самих участников конфликта во всей их сложности – учитывая «рациональное» и «иррациональное» поведение, сознательное и

⁶ Hedström P., Swedberg R. (ed.). *Social mechanisms: An analytical approach to social theory*. – Cambridge University Press, 1998.

⁷ Simmel G. *The sociology of conflict*. I // *The American Journal of Sociology*. – 1904. – Т. 9. – №. 4. – С. 491.

⁸ Cheldelin S. I., Druckman D., Fast L. (ed.). *Conflict: from analysis to intervention*. – Continuum International Publishing Group, 2003. Deutsch M., Coleman P. T., Marcus E. C. (ed.). *The handbook of conflict resolution: Theory and practice*. – John Wiley & Sons, 2011. Wallensteen P. *Understanding conflict resolution: War, peace and the global system*. – Sage, 2011. Ramsbotham O., Miall H., Woodhouse T. *Contemporary conflict resolution*. – Polity, 2011.

⁹ Шеллинг Т. *Стратегия конфликта* // М.: ИРИСЭН. – 2007.

¹⁰ Например, Powell R. *Nuclear deterrence theory: The search for credibility*. – Cambridge University Press, 1990.

бессознательное, мотивации и расчеты — и те, кто сосредоточен на более рациональных, сознательных, хитроумных типах поведения. Грубо говоря, последние рассматривают конфликт как род соперничества, участники которого пытаются «победить». Изучение сознательного, разумного и сложного конфликтного поведения, основная задача которого — успех, похоже на поиск правил «правильного» поведения в смысле достижения выигрыша в соперничестве»¹¹.

В свете этой классификации существенный интерес представляет книга Джеффри Рубина, Дина Пруитта и Сунг Хи Ким «Социальный конфликт»¹², которая находится на стыке подходов. Используя язык теории игр, авторы включают в свое теоретизирование многочисленные и разнообразные социологические наработки, общей чертой которых является принятие во внимание социальной структуры, в которой действуют акторы. Основной упор в книге делается именно на описании явления конфликта — определении того, что это такое, поиске причин и факторов, способствующих и препятствующих его возникновению и развитию, а также изучению его течения. Авторы определяют конфликт следующим образом: «Для нас конфликт обозначает воспринимаемое расхождение интересов или представление, что настоящие ожидания сторон не могут быть реализованы одновременно»¹³. Они отмечают, что конфликт укоренен в социальных структурах — интерес является функцией от представлений, ценностей и норм, а его ход определяется структурой отношений между акторами. Их наработки, анализирующие и синтезирующие различные традиции изучения конфликта, и использующие социологический теоретический аппарат, связанный с социальными структурами, стали важным элементом теоретической рамки нашего исследования.

Ключевой вопрос, положенный в основание нашего исследования, может быть сформулирован так: **Как во взаимодействии разных элементов социальной структуры разворачиваются земельные конфликты в Дагестане?** Использовались качественные методы: этнографическое наблюдение, интервью и групповые дискуссии. Для детального обследования было выбрано сообщество одного из поселков, участвовавших в конфликте — Тарков. В совокупности осуществлено порядка 50 часов наблюдений, проведено 60 интервью и 7 групповых дискуссий. Основные места проведения мероприятий — поселок Тарки, территория Караман, а также Махачкала. Интервью и групповые дискуссии транскрибировались и затем подвергались процедуре осевого кодирования. Важным методом анализа транскриптов был дискурсивный анализ.

На территории современной Махачкалы и прилегающих к ней равнинных районов Дагестана с XV в. существовало государство, называвшееся шамхальство Тарковское. Столицей был поселок Тарки, который одновременно являлся главным населенным пунктом джамаата — общества, куда входили таркинцы и жители окрестных деревень. Земля шамхальства принадлежала частным лицам и джамаатам — сельским общинам. В начале XIX в. Шамхальство вступило в состав России на правах широкой автономии с сохранением шамхалов во главе государства и правовой системы. После серии восстаний, а также войн Шамиля, в 1867 г. местные государства, включая шамхальство, были упразднены, их территория вошла в состав Дагестанской области Российской империи. Правовые отношения, связанные с собственностью на землю, тем не менее, оставались неизменными, и обширные

¹¹ Шеллинг Т. Стратегия конфликта ... С. 366.

¹² Rubin J. Z., Pruitt D. G., Kim S. H. Social conflict: Escalation, stalemate, and settlement . — McGraw-Hill Book Company, 1994.

¹³ Там же.

территории вокруг поселка за некоторыми исключениями продолжали быть собственностью джамаата и его членов.

Такое положение сохранялось до тех пор, пока Советская власть не объявила коллективизацию. Значительное число крупных и средних хозяйств было ликвидировано – бывшие уздени объявлены кулаками и отправлены в ссылку. В начале 1930-х годов джамааты Тарков и близлежащих населенных пунктов были превращены в колхозы, а земельная собственность частных лиц, джамаатов и мечетей сначала была национализирована, а затем передана в бессрочное пользование колхозам. В Тарках создаются сразу три сельскохозяйственные артели – «им. Орджоникидзе», «Политотдел» и «1-ого мая», которым 14 марта 1937 г. передаются 4926 гектаров земли.

В 1944 г. после депортации чеченцев в Среднюю Азию и Сибирь колхозы решением Совета Народных комиссаров Дагестана были переведены в Хасавюртовский район. Переселиться колхозникам надо было за неделю, так что они не смогли взять с собой многое.

Судьба земель, которые обрабатывали жители ТКА14 такова: небольшая часть была отчуждена в федеральную собственность и передана предприятию «Дагнефть» как нефтеносные земли; часть земель, прилегавших к Махачкале, вошла в состав города; обширные части, к северу и югу от Махачкалы стали землями отгонного животноводства горных районов на разных основаниях; оставшиеся земли были распределены между предприятиями, организациями и учебными заведениями.

В 1957 г. после реабилитации депортированных народов чеченцы начали прибывать на свое прежнее место проживания. Джамааты переселенных ТКА приняли решение оставить хасавюртовский район и вернуться в свои поселки. Возвращение сопровождалось конфликтами, поскольку в домах уже жили другие люди.

После возвращения жителей ТКА колхозы восстановлены не были, работать на земле таркинцы не могли. Население в основном распределилось по заводам и предприятиям. Типичным работодателем для таркинцев стали автопредприятия. Но в 90-е годы многие предприятия прекратили работу, и люди были вынуждены изыскивать любые возможности для подработки, среди которых – бандитизм и челночество.

В 1990-е годы с активизацией национальных движений происходят два важных события. Во-первых, Третий съезд народных депутатов Дагестанской ССР принял решение восстановить Ауховский район, просуществовавший несколько месяцев в 1944 г. до депортации чеченцев в Среднюю Азию и Сибирь, а созданный там Новолакский район переместить на 8,5 тыс. гектаров земли рядом с Махачкалой, «вырезанных» из территорий Кировского района Махачкалы, Кизилюртовского района Дагестана, а также кутанных земель горных районов – Лакского и Гунибского. Планировалось осуществить переселение в течение четырех лет, однако оно не завершено до сих пор. Лишь несколько сел переселены полностью, большинство – только частично. Примерно в это же время были созданы поселки Новые Тарки и Новый Кяхулай, где жителям ТКА были выделены земельные участки, а также на территории поселка Семендер.

В апреле 2012 г. жители этих поселков организовали палаточный лагерь на территории к северу от Махачкалы, которая называется Караман, и потребовали передать ее им для застройки. Несколько раз предпринимались попытки вытеснить их с этой территории (среди

¹⁴ Здесь и далее мы будем употреблять аббревиатуру ТКА для обозначения поселков Тарки, Кяхулай и Альбурикент. Жители этих поселков вместе участвуют в социальном движении за Караман

этих попыток – события 21 августа 2013 г.), не приведшие к успеху. На данный момент жители поселков посменно дежурят на Карамане.

Караман

Караман – это 195 гектаров земли, тянущиеся вдоль моря к северу от Махачкалы. 150 лет назад Караман являлся собственностью членов таркинского джамаата. Затем земля была куплена у джамаата империей. С коллективизации он был включен в состав земель одного из колхозов, сформированных из населения кумыкских поселков, и государственным актом в 1937 г. передан им в вечное пользование. После депортации жителей ТКА Караман, как и большинство земель к северу от Махачкалы, был передан в качестве пастбища отгонного животноводства колхозу одного из горных районов. С 1985 г., когда произошло расширение Советского района Махачкалы, прибрежная часть Карамана была включена в состав города. Кроме того, по данным администрации селения Новокули, Караман становится частью Новолакского района и решением администрации района делится на несколько равных частей для того, чтобы муниципалитеты всех перенесенных селений могли распоряжаться этой территорией. Это решение, как и третий Съезд народных депутатов, лидерами движения поселков ТКА не признается легитимным. Есть и третья версия о формальной принадлежности Карамана, в которой акцентируется, что эта земля в свое время, будучи землей Лесного фонда, была передана в пользование Лесхоза, а затем, в 1991 г. стала федеральной собственностью. По этой версии, она находится в ведении Федерального агентства Лесного хозяйства. В данный момент конфликт решается в правовой плоскости, хотя одно время он находился в «горячей» стадии, когда контролеры Лесхоза и района дрались друг с другом за право осуществлять деятельность на землях, а также по поводу законности возведения конкретных построек. Доходило до перестрелок, о которых хорошо помнят в селении Новокули, потому что обе стороны нанимали контролеров из числа жителей села. Претензии Лесного хозяйства на Караман связаны с тем, что эта земля относится к лесному фонду, и поэтому строительство здесь ограничено законодательством – возводить жилые здания запрещено, но можно строить рекреационные сооружения, а также дачи. Кроме того, Караман расположен на берегу Каспийского моря и является водоохранной зоной, что накладывает еще ряд ограничений на строительство.

Долгое время Караман не использовался никак, однако начиная со второй половины 90-х, на этой территории стали появляться постройки, противоречащие правилам пользования земли. В основном речь идет о частных двух-трех этажных жилых домах. Механизм их появления был следующим: лесное хозяйство сдало в аренду часть земли организации или частным лицам под строительство рекреационных сооружений, однако затем эти территории были поделены на части, каждая из которых была передана в субаренду частным лицам. На 1998 г. 100 гектаров из 195 были в аренде у некоего бизнесмена, которому предложили «уйти с земли» в связи с тем, что Караман перешел в муниципальную собственность Новолакского района, а договор об аренде был заключен с Лесхозом. В качестве компенсации, по версии нового арендатора, предыдущему была выплачена сумма, покрывавшая вложенные в территорию деньги. На тот момент речь шла о фундаменте и первом этаже дома, заборе и дорогах. Новый арендатор, родом из Новолакского района, договорился об аренде территории. Затем на ней стали появляться дома. По словам арендатора, он и еще ряд инвесторов, решили строить здесь территории аквапарк, однако из-за того, что шел судебный процесс между районом и Лесхозом, стройку они начать не могли. Его соинвесторов не

устраивала эта ситуация, и ему пришлось передать им несколько земельных участков в субаренду.

На волне конфликта между Лесхозом и районом по поводу возможности распоряжаться Караманом, а также на фоне строительства жилых домов, исчисляющихся десятками, владельцами которых, по общему мнению, являются высокопоставленные чиновники республиканского уровня, на Карамане, заявляя свои права на землю, появляются жители ТКА. Караман, по словам одного из лидеров движения, как объект самозахвата был выбран случайным образом из земель, бывших в пользовании колхозов. Лишь затем стало понятно, что этот кусок земли находится на перекрестке интересов многих лиц и групп, в том числе имеющих вес в республике.

Тарки

В исследовании мы приняли решение сконцентрироваться на описании одного из трех поселков, жители которых «дежурят» на Карамане. Это Тарки. В чем-то он схож, а в чем-то отличается от соседних поселков. Он гуще населен, а кроме того, расположен выше над Махачкалой, нежели два других поселка, что способствует большей отделенности от города. В то же время с этими поселками его объединяет общая социальная история и общие травматичные события, связанные с насильственным переселением большей части жителей.

Население Тарков можно охарактеризовать термином субпролетариат. Этот термин ввел Пьер Бурдьё для описания маргинальной группы уже не сельского, но еще и не городского населения, которое скапливается на окраинах крупных городов третьего мира. Этим людей, выгоняет в города безработица, но в городе они не находят постоянной занятости, и их заработок складывается из многих источников, в том числе не до конца легальных. Мигрируя из сельской местности, они окружены родственниками и «земляками», в их представления о жизни и ценности во многом остаются сельскими. При этом город позволяет регулярно скрываться от социального контроля, избегая влияния норм сельского общежития.

Тарки, субпролетарская депрессивная окраина Махачкалы, связана с городом в основном административно. Население пережило два мощнейших социальных катаклизма – депортацию 1940-х и разруху 1990-х, в результате чего успешные индивидуальные хозяйственные модели были утеряны, а новые не были сформированы. У жителей Тарков – низкий уровень образования, которое не является для них социальным лифтом и не рассматривается в качестве такового. В поселке высокая безработица – население в основном перебивается подработками. Занятия их связаны с ручным трудом. В последние годы в поселке наблюдается рост религиозности, однако она не принимает формы нетрадиционного ислама. Этому способствует социальный контроль старшего поколения в отношении молодежи. Важным фактором, влияющим на жизнь в поселке, является его социальная и символическая отделенность от остальной Махачкалы.

Таркинцы на протяжении жизни нескольких поколений не совершали выбора, а лишь подстраивались под обстоятельства, все менее для них благоприятные. Отсутствие успешных моделей взаимодействия с изменившейся реальностью среди взрослых односельчан не позволяло молодежи научиться ориентироваться в меняющихся структурах и выстроить собственные успешные траектории на основании этого знания – не было людей, у которых можно было спросить «Как надо?» и получить ответ, соответствующий времени. Такое положение вещей воспроизводится из поколения в поколение. Один из наших информантов, М., – обеспеченный человек, по меркам Тарков – привел нас в дом к мужчине тридцати трех

лет, по имени А., который сейчас работает автослесарем, а до того – был, по выражению таркинцев, «улицей».

М. говорил, а А. с ним активно соглашался, что лет 15 назад М. «забрал А. с улицы и научил, как жить». В результате, А., будучи подмастерьем М., выучился работе по кузову, и теперь работая с племянником М., «имеет свою денежку» в жизни. Если бы, говорит М., я его не забрал, скорее всего, он бы сидел в тюрьме. А. активно кивает головой. За что, мы спрашиваем. За что угодно, нашлось бы за что, отвечает М.

В этом разговоре можно увидеть две воспроизводящиеся в Тарках, местами конкурирующие, но в целом дополняющие друг друга модели. Первая – подростково-криминальная, в рамках которой молодые люди, не имея стабильного заработка, время от времени участвуют в незаконных предприятиях. Представления о будущем у них крайне расплывчаты. Вторая связана с получением рабочей специальности – через профессиональное училище или ученичество. Такая модель рассматривается как успешная в рамках нормы – у человека есть профессия и более или менее стабильный заработок. Модель, которая бы включала получение высшего образования и работу по специальности, в Тарках встречается крайне редко.

Разговаривая с жителями разных поколений, мы пытались понять, какую траекторию – образовательную и профессиональную – проделала семья информанта. Чем занимались его прадед, дед, и отец, чем занимаются его дети и внуки? Типичное занятие таркинца до 1957 г. – сельское хозяйство, однако и в том поколении встречаются рабочие на заводе. Впрочем, «классическими» пролетариями они так и не стали – в основном таркинцы обслуживали махачкалинский автопарк, будучи водителями и механиками. Другие места работы таркинцев – консервный завод, бетонный завод и прочие подобные предприятия.

Сегодня типичные занятия молодых таркинцев следующие. Во-первых, они занимаются частным извозом. Во-вторых, работают в автомастерских и на автомойках. В-третьих, могут подрабатывать, делая ремонт. В-четвертых, у них может быть мелкий бизнес, связанный с тем же ремонтом. В-пятых, значительная их часть просто не работает, живя на зарплату или пенсию одного из членов семьи.

Что касается образования, то в старшем поколении две типичные траектории предполагают либо техникум, либо 10, а обычно 8 классов школы. Один из информантов, работая в советское время электрослесарем на заводе, сейчас принимает у односельчан заказы на ремонт техники. Представители этого поколения, впрочем, уже редко работают. Родившиеся в 1980-х и 1990-х зачастую имеют диплом о высшем образовании, однако он нередко купленный и никак не определяет карьерных перспектив. Высшее образование таркинец получает «на всякий случай», при этом сами информанты признают, что устроиться юристом или финансистом (а львиная доля дипломов относятся к этим специальностям) не по знакомству практически невозможно, а знакомств, которые бы помогли устроиться, у них нет. Однако чаще всего таркинцы, скажем, 1990 года рождения, образования не получают вовсе.

Казалось бы, отсутствие работающих моделей вертикальной мобильности вкупе с сильным ощущением притеснения на фоне религиозного возрождения, центром которого является Махачкала, должно дать реакцию в виде «нетрадиционного» ислама. Но молодежь, несмотря на растущий уровень религиозности, редко исповедует «нетрадиционный ислам». Известно, что в Дагестане конфликт отцов и детей в последние два десятилетия часто

приобретал именно исламские очертания – ислам был единственным полем, в рамках которого младшие могли противостоять старшим в открытую. Младшие, вернувшись с учебы за границей, говорили старшим, что те неправильно молятся и совершают множество запрещенных действий – в частности, поклоняются покойным шейхам. Были возможны различные варианты того, как события могли разворачиваться, и это очень сильно зависело от поведения духовных авторитетов среди «стариков». Чем объяснить отсутствие межпоколенческого конфликта и часто связанного с ним нетрадиционного ислама в очень неблагополучном поселении?

В Тарках возрождение ислама относят к 1980-м годам и связывают его с именем шейха Мухаммада Мухтара – имама мечети Кяхулая. Еще в советское время он открыл в Тарках медресе и последовательно отучал стариков от наиболее «дремучих» представлений. Когда в 1990-е возвращались первые партии учившихся за границей, им не было с чем всерьез «воевать» – значительная часть работы по просвещению «стариков» была проделана шейхом. Будучи авторитетом и для «стариков» и для молодежи, Мухаммад Мухтар эффективно решал догматические и повседневные противоречия. Находясь в русле ислама, он ставил во главу угла единство джамаата, ради которого элементам «традиционного» ислама, например, мавлиду, можно было противостоять в довольно мягкой форме. Интерпретируя те или иные действия стариков как «нежелательные», а не «запретные» и указывая молодежи на необходимость поддерживать единство джамаата, Мухаммад Мухтар устранял зарождавшиеся противоречия. Конфликт отцов и детей прошел без осложнений, и нормы стариков не были отвергнуты молодежью как противоречащие исламу. Кроме того, рост молодежной религиозности пришелся на последние несколько лет – до того население было практически полностью светским. Догматические противоречия начали занимать молодежь Тарков сравнительно недавно, и таким образом ислам просто не мог стать языком межпоколенческого конфликта. Вместе с тем, для всех таркинцев, включая тех, кто ездил учиться за границу, Мухаммад Мухтар является учителем и духовным авторитетом. Возвращаясь с учебы, молодые люди видели много такого, что они хотели бы поменять и у них оставалось много вопросов, которые они задавали Мухаммаду Мухтару. Он, по словам одного из вернувшихся, всегда серьезно подходил к такого рода разговорам и предлагал разбираться вместе. И, таким образом, единство джамаата не было нарушено межпоколенческим конфликтом «на языке» ислама. И до настоящего времени его ученики из числа уехавших и вернувшихся, работая имамами в мечетях Махачкалы, еженедельно ходят к нему на уроки. В результате ислам молодежи Тарков – это осовремененный традиционный ислам, а авторитеты в том, что касается веры и практики – это Мухаммад Мухтар и его ученики.

Не последнюю роль в сложившейся в поселке ситуации сыграла пространственная, социальная и символическая отделенность Тарков от Махачкалы. Махачкала (или Порт-Петровск во времена империи) была во многом поселением-антагонистом Тарков. Традиционно на этой территории люди пытались селиться в предгорьях – там, где была чистая питьевая вода и где можно было легче защитить себя от набегов с севера и юга. Обмен населения между Тарками и функционирующей по совершенно другой социальной логике Махачкалой практически не происходил. С поглощением поселка городом и возвращением людей из депортации отделенность сохранилась, и, хотя местом работы для большинства стали предприятия в Махачкале, именно поселение было для таркинцев основной средой социализации. Сегодня положение дел существенно не изменилось – в Тарках есть установка на эндогамию, небольшие артели подрабатывают в городе, а городские институты социальной мобильности и интеграции, например, высшие и средние профессиональные учебные

заведения, используются таркинцами весьма поверхностно. Примечательна история со шлагбаумом, который молодежь установила при въезде в поселок и он объясняя это тем, что въезд на гору Тарки-Тау возможен только через поселок, используется махачкалинцами в качестве места, куда можно приехать «с девочками». При этом в дискурсе Тарки-Тау фигурирует как священная для кумыков гора и «наша земля». Шлагбаум функционирует лишь время от времени, но именно пятачок вокруг него является одним из основных мест сбора молодежи поселения. Социальная и символическая отделенность от Махачкалы служит важным фактором формирования и поддержания сообщества в поселении, и его необходимо учитывать, объясняя происходящие там события и циркулирующие смыслы.

Таким образом, Тарки – это бедная депрессивная окраина Махачкалы, формально находящаяся в черте города, но социально отделенная от него. Известно, что замкнутые сплоченные сообщества производят и поддерживают общую для большинства их членов картину мира. Так ли это в случае Тарков? И что это за картина?

Смыслы сообщества

Сообщество производит и поддерживает категории, в которых описывается мир, и логические конструкции, описывающие связь между категориями. Логические конструкции могут касаться положения дел в текущий момент, событий прошлого, проектов на будущее, а также связей между временами. Наша задача состояла в том, чтобы восстановить картину, категории и конструкции и понять, каким образом эта картина через повседневное взаимодействие и жизненные стратегии приводит к коллективному действию и становится «шестеренкой» механизма конфликта. Для решения данной задачи использовался дискурс-анализ.

Чтобы актуализировать дискурсы и минимально воздействовать на смысловые конструкции информантов в нарративах, каждому респонденту задавался вопрос: «Как бы Вы своими словами могли описать проблему». Если он спрашивал, о какой проблеме идет речь, мы отвечали: «О проблеме земли». В абсолютном большинстве случаев после этого шел нарратив, который – вместе с остальным разговором – мы записывал на диктофон и детально транскрибировали записи.

Как оказалось замкнутое и сплоченное, с несостоявшимся конфликтом поколений, сообщество Тарков имеет общую картину мира и описывает за редкими, но важными исключениями единым образом. Это мирописание мы обозначили как «магистральный дискурс». Наличие общей картины мира, однако, не означает, что все члены сообщества будут говорить одно и то же. Разные люди в зависимости от индивидуальных характеристик будут брать из общей копилки высказываний разное, но базовая структура высказывания в большинстве случаев общая для всех.

1: Это кусочек, мизерный кусок таркинских земель, вот...

2: Тут три колхоза было раньше. Такие территории должны были быть. Три колхоза до войны. Во время войны Тарки, Кяхулай, Альбурикент в Бамматюрт, знаешь там, Бамматюрт этот...

2: Хасавюрт там. Думали там нас и похоронят окончательно. Так выселили нас во время войны.

0: В сорок четвертом.

2: Да. А сверху спустили аварцев сюда.

2: *Насильно нас выселяли отсюда. Как чеченцев насильно выселяли оттуда, на ихние земли, насильно, нас выселяли туда. А сверху ходил этот, секретарь. Говорил три головы – Тарки, Кяхулай, Альбурикент, если убрать бы, то можно спускать вниз. Вот история тебе.*

1: *Кто вернулся, того садили даже.*

Этот текст имеет следующую смысловую конструкцию: мы жили здесь, нас специально выселили, чтобы на наше место переселить аварцев. Кто это – мы? Характерно такое высказывание:

2: *Притеснение идет. Везде все схвачено. Везде свой клан.*

1: *Притеснение идет.*

3: *Мы – везде ущемленные.*

0: *А кто это «мы»?*

2: *Ну, таркинцы, кумыки.*

Здесь присутствует следующая смысловая конструкция: мы = таркинцы = кумыки. Таким образом, все происходящее с таркинцами – депортация, отъем земель, невозможность устроиться – становится «историей кумыков» и оказывается вписанным в нехитрую геометрию «межэтнических отношений», где субъектом является народ, «кумыков выселяют», а «аварцев спускают с гор». Кто выселяет и спускает? Анонимная сила, которая фигурирует в подчеркнутых строчках первого фрагмента, персонифицируется в «секретаре». О нем уточняют, что это именно он не только виновен в выселении, но сознательно его провел и, вероятно, затем сажал возвращающихся. Важно также подчеркнуть, что аварцев нельзя было «спустить» просто так: конструируется игра с нулевой суммой, в рамках которой на одной территории могут находиться или аварцы, или наши собеседники. В некоторых фрагментах анонимная сила получает имя – власть. Она понимается как сакральный объект, обладатель которого имеет возможность улучшить свое положение.

1: *Наша? Наша проблема в том, что у нас забрали наше. Власть. Вот мы -- мы здесь коренные жители. Чтобы порядок здесь был, надо власть нам вернуть. Все, здесь дальше больше порядок наводится автоматически. Потому что только ты порядок можешь у себя дома навести.*

0: *То есть, проблема во власти. А у кого у вас?*

1: *Кумыкский народ.*

0: *Именно кумыкский народ?*

1: *Да.*

0: *То есть, кумыкский народ должен вернуться к власти, тогда проблема решится?*

Логичный и важный элемент дискурса - «аргумент исконности», частый для националистического дискурса. Более того, исконность в форме приведения исторических фактов является довольно типичным началом высказывания:

0: *Расскажите, пожалуйста, в чем, в общем, проблема?*

1: *Ну, то что здесь Тарки, как вы знаете не хуже меня, лучше уже, наверное, Тарки – это один из исторических поселков. Раньше было шамхальство. Шамхал*

встречал Петра Первого здесь. Всех встречал. После этого, как Махачкала, много национальностей живут. Проблемы сейчас пошли с землями этими. И про Тарки вообще начинают забывать... - А осталось что-то от исторических Тарков? - Ничего не осталось... Все хотят стереть.

Если описать структуру, лежащую в основании процитированных отрывков, получится следующее: когда-то все было нормально – аварцы и другие народы жили в горах, кумыки жили на равнине, у них была земля и власть; потом власть у них отняли, землю отобрали, а самих – выселили; переселив аварцев и другие народы на равнину. В рамках этой логики возможным решением проблемы является возвращение власти, за которым последует возвращение земли. Такое решение предлагается в значительном числе фрагментов:

1: Весь беспредел потому что во власти не те люди, которые должны быть.

О: А какие должны быть?

1: Кумыкский народ. Коренные жители, которые родились тут. Испокон веков. До того, как Советский Союз сюда пришел. До того, как Советский Союз пришел, кумыкский народ был у власти - сам себе был хозяин. Сами себе устанавливали законы. Жили по этим законам. Кумыкский народ жил по этим законам.

О: И в тот момент, если кумыкский народ возвращается, что происходит?

1: Должно прекратиться.

Как уже отмечалось, разные члены сообщества, в зависимости от личных характеристик и требования момента, говорят о разном, однако структура описываемого мира едина для всех высказываний. Если старшее поколение, описывая проблему, сразу же начинает говорить о депортации, а образованные люди среднего и младшего поколений обычно начинают с досоветского шамхальства Тарков, молодые необразованные таркинцы описывают проблему следующим образом:

О: В чем проблема земли, можешь сказать?

1: Караман же есть. Самозахват сделали. Караман же есть? Целые сутки тама охраняем... Там все таркинцы, каждый день.

О: А почему?

1: Чтоб лакцы не пришли. Охраняем.

О: А в чем проблема, в общем – можешь описать?

1: Правительство не дает эту землю.

В этом описании присутствуют и горцы, которые претендуют на их землю, и власть, названная «правительством», и действие, направленное на возвращение исконного положения вещей. Можно зафиксировать «магистральный дискурс» о земельных проблемах, который разделяется типичными таркинцами и, передаваясь из поколения в поколение, воспроизводится в стилистически различном, но структурно неизменном виде. Впрочем, в сообществе существуют и иные, на данный момент маргинальные, дискурсы, которые, основываясь на других ценностях и «космологиях», входят в конфликт с «магистральным дискурсом». Речь прежде всего идет об исламском дискурсе.

Это сталинские времена. Все перемешали. Карту взяли, все так перемешали. Я не знаю, зачем это они так сделали – там у них карта в руках, вдруг что, натравить людей друг на друга. Почему я должен сегодня бороться с этим моим братом мусульманином – аварцем, даргинцем, лезгинком и так далее, за ту политику, которую сделал центр? Я здесь убью или что-то сделаю, и что я решу? Что я, закон федеральный поменяю, что ли? И закон местный поменяю, что ли? Поэтому, я говорю, что это не национальный вопрос. Ну что делать, Аллахом было суждено, что мы живем здесь на низменности, а они живут в горах, и такую политику сделали, чтобы их всех спустить сюда, дать землю и так далее.

О: Что с этим делать?

1: Говорить с людьми, находить общий язык. Вот, допустим сегодня сотни тысяч людей только в одной Махачкале живут. Земли которых таркинцы, в принципе, считают своими. Но есть очень много земель, которые остались пустые. Они относятся к федеральным или каким-то этим. Хотя бы то, что есть – с людьми находить общий язык. Посмотреть, конкретно, реально, комиссию такую там сделать, реально – кто нуждается. Раздать землю, раздать участки. Сейчас не надо насильно с гор еще спускать. Которые есть – им нужно давать. И потом государство должно задуматься, что через 50 лет тоже люди будут расти. У меня карты нет перед глазами, но они, в принципе, могут это рассчитать. Они не только могут, они обязаны. Если они не хотят конфликтов, не хотят стычек, если они хотят, чтобы общество спокойно жило.

Бросаются в глаза следующие отличия «магистрального» дискурса от «исламского». Во-первых, власть не является локальным сакральным объектом, который, как в магистральном дискурсе, переходит от народа к народу – она трансцендентна воле людей, окружающих говорящего, и в промежуточном варианте находится в Москве, а в конечном – у Аллаха. Во-вторых, говорящий, несмотря на свое таркинское происхождение, упоминает таркинцев в третьем лице, тем самым дезидентифицируясь с ними. В-третьих, «геометрия межнациональных отношений» говорящим оспаривается – для него предельная общность – это умма, внутри которой все мусульмане, а поэтому конфликты должны решаться только поиском общего языка. Нужно отметить, что говорящий провел часть жизни вне Тарков и на Карамане не бывает. Таких примеров было обнаружено несколько. Иногда, правда, оказывается, что в одном и том же высказывании противоречащие друг другу дискурсы причудливым образом срастаются. Однако хотя носители типичного таркинского дискурса иногда ссылаются на шариат, дискурсы редко смешиваются и легко различимы.

Иногда говорящие «забывают» об апелляциях к различным ценностям, связанным с исконностью или с исламом, и на языковую поверхность вырывается другой маргинальный дискурс, который можно обозначить как «прагматический».

О: Можешь рассказать, в чем проблема?

1: Как понять, в чем проблема? Мы охраняем, вот, чтобы мы, молодежь, в дальнейшем жили. Места чтоб были, чтобы по квартирам туда-сюда не бегали, чтобы у нас у всех были свои дачные собственности, чтобы мы могли приходить с семьей, чтобы показать, вот наше море, вот наша природа. Бывает же. Там деревья посадить, там все аккуратно сделать. Из-за этого мы и собираемся. Чтоб не было у нас, вот, бывает же Махачкала, чтоб грязи не было. Вот, например,

Грозный посмотри какой, чистота там, мы хотим, чтобы и у нас тоже было также, стараемся что-то так сделать.

О: А кто вы?

1: Вот, наше общество, вот мы. Тарки, Кяхулай, Альбурикент.

О: Не понимаю, зачем тогда нужен Караман?

1: Как почему? Чтобы это был наша собственность, чтобы мы могли приходить отдыхать с семьей. пляж, море, свежий воздух, чтобы у каждого участка были деревья, пускай будет дом, летом чтобы отдыхать с семьей, отдыхаешь.

О: Вам, например, есть смысл дачу делать?

1: Да, дачу нам надо.

Таким образом, на периферии сообщества можно зафиксировать существование маргинальных дискурсов, однако «магистральный» дискурс в сообществе доминирует. Неудивительно, что в такой ситуации самозахват земли, интерпретируемый как попытка взять власть в свои руки и восстановить исконное положение вещей, для членов сообщества является закономерным и справедливым. Циркуляция «магистрального» дискурса способствует организации социального движения, а социальное движение является агентом конфликта. Как сложилось и как устроено это движение?

Социальное движение за Караман

Уже полтора года жители ТКА находятся на Карамане. Единоновременно там присутствует не менее 50 человек. Организованы дежурства. Каждый дежурящий входит в «бригаду», которая объединяет жителей одного или двух «аулов» – частей поселка. Каждая «бригада» должна дежурить сутки каждые две недели. Существует отдельная «городская бригада», состоящая из людей, имеющих отношение к ТКА, но живущих в городе. Если человек из бригады болен, ему находят замену. В случае, если у него нет уважительной причины не дежурить, он может «купить» дежурство, заплатив молодым людям, которые готовы подежурить за него. Для того, чтобы получить участок, надо дежурить. Если претендующий на участок несколько раз без уважительной причины прогулял дежурство, он исключается из списков, и в них включаются стоящие на очереди. Дежурят на Карамане в основном те, кто имеет там участки.

Свободные земли Карамана разделены на две тысячи участков по четыре сотки каждый; участки распределялись людьми, которые были выбраны старшими по аулам. Среди оснований – депортация, сиротство, бедность, при этом формальных критериев принадлежности к категории, например, неимущий, выработано не было:

О: Как определяется неимущий?

1: Зарплаты не хватает, плохо живет.

О: Так это же всем не хватает.

1: Не, если так делать, и имущим тоже не хватает. Вот ты спроси, он скажет – не хватает.

О: Но как определяете – хватает или не хватает?

1: Мы же знаем – сосед, например, как он живет.

О: То есть, формальных критериев нет.

1: В смысле?

О: Неимущий.

1: Формально – как. Ну ты же знаешь, сосед нуждается. Например, вот у него пять детей, например, пять сыновей. Одному же не дашь? Ему надо две дать даже. Нуждается человек. Он же не может на пять сыновей участки покупать, допустим. Этим нуждающимся надо два дать, например. Это по усмотрению этого аула уже.

0: Но при этом каждый из сыновей может нормально работать? Это же уже многодетные, а не неимущие.

1: Может неимущие. Например, ему хватает на проедание, больше он ничего не может сделать.

0: То есть, это никак не определяется формально? То есть, это только на уровне – мы знаем в нашем ауле, что...

1: Да, вот так, да. Я еще раз повторяю, что не везде все идеально. Мы же не ангелы – все выровнять. Само государство не может.

Система распределения признается несовершенной самими распределяющими. Мы разговаривали с человеком, который не был включен в списки, хотя он с отцом, братом и семьями – его и брата – живет в одном доме. Ему сказали, что все участки распределены. Говорил он об этом с обидой. Мы разговаривали и с человеком, который живет в четырех комнатах в городе вместе с матерью, и он включен в списки. Тем не менее условия жизни включенных в списки, дома которых мы посетили, действительно не соответствуют критерию «одна семья – один дом», а именно это соотношение является для таркинцев нормативным. Часто семья помещается в одной-двух комнатах дома, в котором одновременно могут проживать 4-5 семей, состоящих из мужа, жены и нескольких детей.

Для того, чтобы предотвратить продажу земель третьим лицам, было решено составить документ, который должны подписать все получатели участков, запрещающий их продажу. Строительство на землях до принятия решения правительством не начинается, и единственное здание, которое возвели на Карамане жители ТКА, – это мечеть, где уже есть имам и будун, но пятничный намаз не проводится, потому что во время пятничной молитвы жители ТКА находятся в центральных мечетях своих поселков.

Требования, предъявляемые лидерам движения, находятся в логике таркинского «магистрального» дискурса и состоят в следующем. Во-первых, нужно, чтобы жители поселков получили статус депортированного народа. Во-вторых, нужно создать таркинский район, поскольку «в горах, хотя там никто уже не живет, есть районы, а нас пятьдесят тысяч, и у нас района нет». В-третьих, надо обеспечить жителей поселков землей, ричем речь идет не только о Карамане. В руководстве движения существует несколько версий того, какая территория должна быть возвращена жителям ТКА. По одной, более или менее общепринятой, необходимо вернуть земли, которые относились к колхозам по государственному акту 1937 г. По другим, этими землями ограничиваться не следует, а нужно претендовать на земли, бывшие частью Таркинского района Дагестанской области Российской империи, что, конечно, гораздо меньше, чем территория Шамхальства, но на все земли Шамхальства движение все-таки не претендует.

На случай обострения ситуации на Карамане существует отработанный автоматический механизм смс-оповещения – всем участникам движения на телефон приходит смс-сообщение с призывом явиться на Караман. Именно такая смс-ка пришла жителям ТКА 21-ого августа 2013 г., после чего произошло столкновение.

Доступ к пляжу

Почему простые жители сел новолакского района «перешли шоссе» только по прошествии полутора лет после того, как жители ТКА осуществили самозахват земли? Какое событие стало «триггером» в конфликте вокруг Карамана, столкнув таркинцев с новолаками. По версии одного из наших информантов, события развивались следующим образом. Вначале, когда те, у кого были земельные интересы на Карамане и кто имел отношение к Новолакскому району, пытались «поднять» жителей сел на «борьбу за свои законные интересы», люди реагировали неактивно – им самим от пользования Караманом, если бы жители ТКА его освободили, по их мнению, не досталось бы ничего. А ездить купаться на берег моря они им не мешали. Все изменилось, когда в начале лета дорогу, ведущую к пляжу, таркинцы перегородили шлагбаумом и установили таксу в 100 рублей за машину для всех желающих проехать на пляж. После этого недовольство со стороны жителей новолакских поселков стало накапливаться и, уже в конце лета, одному из бизнесменов, имеющих интерес на Карамане, удалось «поднять» новолаков для открытого противостояния.

Таким образом, триггером противостояния поселковых сообществ – джамаатов – скорее всего, стала попытка монополизации доступа на пляж. Это прямо соотносится с теорией Элинора Остром, нобелевского лауреата по экономике 2011 г., показавшей, что управление общими ресурсами является наиболее болезненной темой в отношениях между сообществами и внутри них [5].

Соединяя фрагменты: механизм конфликта

Представим общее описание конфликта, объединяющее в единое целое разрозненные фрагменты.

Итак, Тарки были столицей Шамхальства, расцвет которого пришелся на XVI-XVII в, и которое затем лишь теряло земли. В 1944 г. произошла депортация жителей поселка и, по сути, ликвидация колхозов. Вернувшись в конце 1950-х, таркинцы не имели более земли для обработки и пошли на заводы. В 90-е заводы закрылись, и население осталось без средств к существованию. Поселок был включен в черту города, и его жители формально стали горожанами.

Однако таркинцы так и остаются на периферии махачкалинской жизни – в прямом и переносном смысле. Поселок «оторван» от города и живет замкнуто. Таркинцы «варятся в собственном соку», отчего молодежь не имеет других моделей продвижения в жизни, чем те, которые предлагают старшие. А модели старших, которые в свою очередь ориентировались на своих отцов и дедов – депортированных, лишенных земли крестьян – в современных условиях неэффективны.

Замкнутость поддерживает устойчивую и консистентную картину мира, основанную прежде всего на коллективной травме, полученной в результате переселения 1944 г. и отъема земли. Распространенное представление таркинцев о мире выглядит следующим образом: «когда-то все было хорошо, затем аварцы забрали у нас власть и земли и поселились на них, чтобы решить проблему, нужно вернуть власть и земли». Таков «магистральный» таркинский дискурс, разделяемый абсолютным большинством жителей поселка. Альтернативные дискурсы – например, исламский, где ставится под сомнение картина мира, субъектами которой являются национальности, а решение проблем видится в жизни по исламу и возвращении к эпохе «праведных предков», – существуют на периферии сообщества.

В результате, сообщество становится социальной основой движения за возвращение земель, в рамках которого жители поселков время от времени начинают претендовать на конкретные земли в черте или за пределами Махачкалы.

В 2012 году вследствие этого были захвачена территория в 195 гектаров под названием Караман, которая на тот момент была уже была предметом тяжбы между Новолакским районом, к которому она перешла по решению Съезда народов Дагестана 1991 года, и Лесным хозяйством, претендовавшим на управление этими землями, поскольку они относятся к лесному фонду. Кроме того, частично или полностью, на весьма сомнительных основаниях, земля уже была передана разным людям, часть из которых построили дома. В результате, на Караман по разным основаниям на данный момент претендуют жители ТКА, Новолакский район, Лесное хозяйство, а также люди, взявшие землю в аренду и субаренду и там построившие дома. 21-ого августа на Карамане произошло столкновение, триггером которого стало решение таркинцев пускать новолакцев на пляж за деньги.

«Двойная депортация», пережитая таркинцами, замкнутость сообщества и отделенность его от Махачкалы, а также мировоззрение, согласно которому решением всех проблем является возвращение земли, привели к возникновению социального движения. Оно находится в общей канве националистических движений начала 1990-х и считается продуктивным способом борьбы за землю. Совокупность этих структурных факторов объясняет «высадку» таркинцев на Карамане и организацию там палаточного лагеря. В свою очередь, воссоздание Новолакского района в новом месте, купля-продажа земли при отсутствии легальных оснований это делать, а также высокая ценность земли на берегу моря объясняют невозможность прийти к консенсусу в результате противоречивости и неопределенности статуса Карамана, а также общей неурегулированности земельных отношений в Дагестане.

Литература

- 1 Адиев А. З. Земельный вопрос и этнополитические конфликты в Дагестане. Ростов н/Д. : Южный федер. ун-т, 2010.
- 2 Казенин К. Элементы Кавказа. Земля, власть и идеология в северокавказских республиках. М.: REGNUM, 2012
- 3 Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор: миграционные процессы в Дагестане в XX-начале XXI века, их социальные и этнокультурные последствия и перспективы // Петербургское востоковедение, 2011.
- 4 Стародубровская И., Казенин К. Северный Кавказ: Qua Vadis? : эксперт. докл. М., 2013. URL: http://w.iep.ru/files/publications/QUA_VADIS.pdf.
- 5 Poteete A. R., Janssen M. A., Ostrom E. Working together : collective action, the commons, and multiple methods in practice. Princeton : Princeton University Press, 2010.